

„Unsere Welt“ * Illustriertes Sonntagsblatt der russischen demokratischen Tageszeitung „Ru!“

Петр

А о Петрѣ вѣдайте...

(Февраль 1725 — февраль 1925.)

Ночь смерти Петра. Если прислушаться, — тамъ въ эту ночь будетъ долгая, протяжная буря. Мятель. Закрутить, понесетъ — и съ Ладоги помчатся упругія, послѣшныя струи, а на Лахтѣ, — гдѣ Онь спасалъ чью-то жизнь, — захлещутъ, столкнутся холодныя волны.

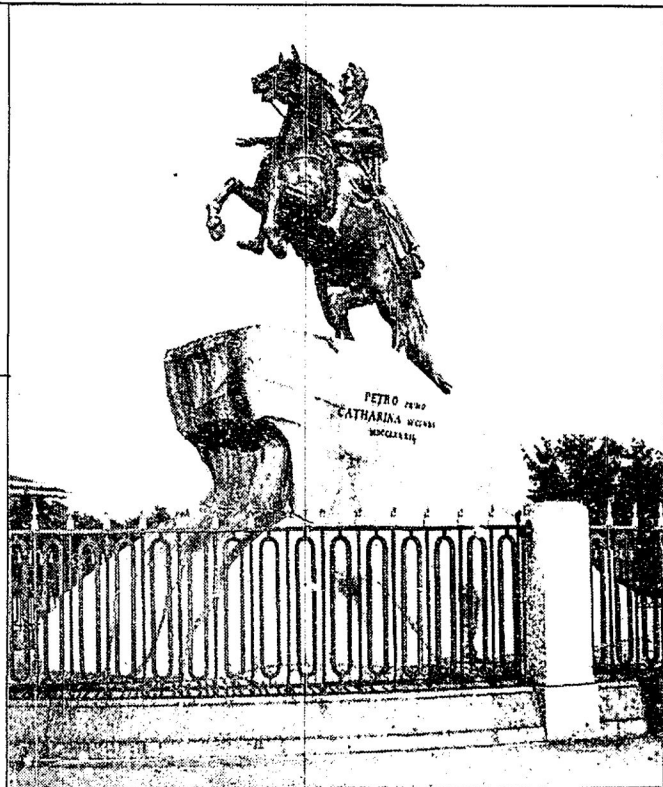
Я думаю, въ эту ночь вѣтеръ съ Невы понесетъ скорѣе на Него хлопья быстро, липкаго снѣга, — сугробомъ подыметъ у камня, — залѣпитъ, покроетъ змѣю, ляжетъ на протянутую чугунную руку, заporошитъ очи Петра, прильнетъ къ его головѣ. Только чтобы не показать ему Санктъ-Петербурга. Поспѣшно и гудя обогнетъ вѣтеръ и «Святѣйшій Правительственный Синодъ» и слитый съ нимъ аркою Сенатъ, прорвется, загудитъ коридоромъ Галерной улицы туда, къ флотскому экипажу, гдѣ маленькіе подъемные мосты и гдѣ стоялъ (стоитъ ли теперь?) въ бушлатѣ одинокій матросъ-часовой.

Нельзя показать Петру его города, нельзя. Не сохранили, не соблюли, не сберегли. Костякъ остался только, скелетъ города, становой хребетъ. А все цвѣтеніе и радость, и пышность дер-

жавы — ихъ нѣтъ. Снизился городъ, распластался. Кладбище это теперь.

Слышитъ ли чугунный, какъ зовутъ теперь этотъ городъ? И какъ зовутъ теперь всю Россію, о которой сказалъ: «А о Петрѣ вѣдайте, недорога ему жизнь, лишь бы...»?

Понятно стоитъ и теперь, точно обнявъ площадь полукружїями рукъ, — колоннадами, — Казанскій. И гранитный внизу, — легкій въ треножникахъ сверху — стоитъ и ждетъ часа освобожденія Исакій. Но стѣлые они сейчасъ, молчаще. Нельзя Петру смотрѣть на нихъ. Сразу узнаетъ, что стряслось. — Пусть въ эту ночь за-

навѣситъ ихъ снѣжная сѣюка. Покроетъ крылья трубящихъ ангеловъ, залѣпитъ сквозныя треноги (которые горѣли, такъ еще недавно, ликующимъ пламенемъ Заутрени). Пусть спрячетъ теперь все снѣгъ. Нельзя Императору видѣть своего города, нельзя.

Понесется вѣтеръ и узкимъ отрѣзкомъ Морской, дунетъ подъ штабную Арку, скроетъ мятелью коней, а самъ закружится воронкой, снѣжный столбъ подыметъ рядомъ съ колонной, ангела обниметъ судорожнымъ вѣтровымъ объятіемъ. Такая это будетъ ночь.

И дворецъ занавѣситъ мятель, — спрячетъ, — въ выбкое марево, въ обманный призракъ превратитъ. Не гоже смотрѣть Царю въ эту ночь на